

Марк:

Карл был в ужасном настроении, и мы с Бонни ждали грозы. Внезапно он поднялся и направился ко мне. Я инстинктивно поднял руку, защищаясь. Карл приказал мне встать на колени, но, прежде, раздеться, Бонни, сжавшейся в углу дивана, он, не оборачиваясь, также велел раздеться.

Когда я выполнил его приказ и опустился перед ним на колени, Карл рывком поднял мою голову вверх за подбородок. Я боялся смотреть ему в глаза, так как это злило Карла и он бил меня по лицу. Брат достал из кармана железный собачий ошейник и надел мне на шею. Металлическая пластинка замыкалась ключом, который Карл опустил обратно в карман. — Будешь носить это, пока не заслужишь прощения, — процедил он сквозь зубы.

— Прощения за что? — осмелился спросить я.

Уже направившийся было к Бонни, Карл замер и резко обернулся.

— Ещё одно слово, — проговорил брат, — и ты простоишь на коленях всю ночь.

Карл ударил меня тыльной стороной ладони по лицу и протянул мне её для поцелуя. Я схватил его пальцы обеими руками и поцеловал. Брат не отнимал руку, и я прижал её к губам ещё раз. Карл вновь направился к Бонни, оставив меня стоять на коленях, совершенно голого. Подхватив тихо попискивающую Бонни на руки, он отнёс её в другую комнату. Я прислушался к звукам, доносящимся оттуда, и решил, что, по крайней мере, полчаса Карл не выйдет.

За это полчаса я должен был успеть многое. Мне нужно было выбраться из дома, добраться до Вудстока и пригнать домой шевролет Карла. Настоящее чудо, что он не заметил его отсутствия до сих пор: машина обычно стояла прямо под окнами. Натянув на себя джинсы и чёрную майку, я проверил, не выпал ли из кармана ключ от автомобиля. Но в ошейнике на улицу выйти было нельзя, пришлось обмотать шею шёлковым платком Бонни. Как я и думал, входные двери были заперты. На этот случай существовало окно спальни прислуги на втором этаже. Стараясь не шуметь, я взбежал по лестнице, открыл окно и спустился в сад по веткам бука, моей обычной дороге. Ещё раз убедившись, что мой побег не замечен, я кинулся к калитке.

Всё это, конечно, глупо, но мы с Бонни в первый раз воспользовались машиной Карла — и в такой неудачный день! Моя машина в ремонте, я разбил её на днях, и это ещё одна новость, которую Карлу лучше не знать.

После двух-трёх автомобилей, проскочивших мимо, меня наконец-то согласились подбросить до Вудстока. Времени оставалось мало. Хозяева машины, пожилая супружеская пара, с интересом разглядывали меня в зеркало. Я нервничал, смотрел то на часы, то в окно, одной рукой придерживая платок на шее.

— У тебя ангина, сынок? — полюбопытствовала дама. — В такую жару это встречается. У меня в сумочке есть таблетки.

— Нет, нет, спасибо, мэм, — я потуже затянул платок. — У меня всё в порядке. С какой скоростью мы едем, сэр?

— Молодость! — заметил тот. — В твои годы я тоже был как ртуть. Не волнуйся, сынок, Вудсток будет минуты через три. Наверное, девушка ждёт?

Я постарался взять себя в руки и улыбнулся супругам в зеркало. Через пять минут я уже мчался обратно так быстро, как только позволял двигатель шевролета. По дороге я вынужден был заскочить на бензоколонку — всё должно выглядеть безупречно. У дома я предельно сбавил скорость и почти «подполз» к окнам. Надеюсь, Бонни всё ещё занимает Карла больше, чем я.

Вскарабкавшись по буку, я бросился вниз по лестнице. В комнате, где меня оставил брат, было пусто. Но, стащив с себя наполовину джинсы, я услышал голос Карла, показавшийся мне громче Иерихонских труб:

— Где? Ты? Был?

Карл рванул мои джинсы к себе, я полетел на пол, ободрав локти и бок. Не говоря ни слова и сохраняя на лице невозмутимое выражение, Карл несколько раз хлестнул меня джинсами, держа их за штанины. Металлическая пряжка больно ударила по виску.

— Я не слышал, Марк, Где ты был?

Надо было мне раньше придумать версию, где я был. Бонни показалась в дверях, она прислонилась к косяку и принялась подтачивать ногти.

— Оставь мальчика в покое, Карл, с каким лицом он завтра отправится в колледж?!

Карл швырнул мне джинсы и направился к Бонни. Он обнял девушку за плечи и нежно, если это слово применимо к Карлу, поцеловал её. Целовались они всегда очень долго и красиво.

— Ты знаешь, ты права, дорогая, — Карл прервался на мгновение. — Пожалуй, завтра он не пойдёт в колледж.

Ещё раз чмокнув Бонни в маленький нос, брат подошёл к столу и взялся рукой за бронзовую статуэтку Селена, я подарил её Карлу на день рождения. Бросив взгляд на пейзаж за окном, он подошёл ко мне. Никогда не следует обманываться на счёт выражения лица Карла. От первого удара я чудом смог увернуться. Брат перехватил Селена в другую руку, я услышал крик Бонни, страшная боль обожгла колено и мгновенно разлилась по телу.

— К-карл! — застонал я.

— Карл! Ты разбил ему колено! — закричала Бонни и кинулась ко мне.

Карл перехватил её на бегу и удержал.

— Оставь его, любимая. Если он и будет до конца жизни ходить на костылях, так он этого и заслуживает.

Бонни отстранилась от Карла и дрожащим голосом проговорила:

— Я пойду и вызову скорую, Карл, хорошо? Я сейчас пойду и позвоню.

— Нет, не сейчас. Я ещё не посмотрелся на моего любимого младшего брата, чтобы его вот так взяли и увезли.

— Я не могу, Карл, я хочу уйти, не держи меня, — Бонни оттолкнула брата и скрылась за дверью.

— Не делай глупостей, женщина, — крикнул он ей вдогонку.

Затем присел рядом со мной и участливо осведомился:

— Тебе очень больно, Марк, сильно болит? — и хлопнул ладонью по моему горящему колену. Я схватил его за руку. Речь и лицо Карла были само сострадание, сама братская любовь, но он продолжал мучить меня. Не помню, как долго ещё Карл терзал мою раздробленную ногу, так что красные круги плыли у меня перед глазами. Чтобы я не кричал, Карл закрывал мне рот поцелуями. Потом я потерял сознание от дикой боли и усталости, а очнулся уже в больнице.

Бонни:

То, что Карл сделал с Марком, потрясло меня. Нет, я видела, конечно, что он избивает своего брата, Карл и на меня поднимает руку. Но всё это не выходило за рамки негласной договорённости. А сейчас я испугалась. Карл пришёл не скоро и сразу бухнулся на постель.

— Ты выглядишь печальной, дорогая.

— Что с Марком?

— Он в больнице, можешь не беспокоиться о нём.

— Надеюсь, ты не додумался отправить его в красный крест?

— Ага! — Карл щёлкнул пальцами. — Эта идея не пришла мне в голову. Почему ты не подала мне её раньше?

Видя, что я всё ещё мрачна, он перевернулся на живот и дёрнул меня за руку, заставляя повернуться к себе.

— Да всё в порядке, говорю тебе. Марк в клинике Саймона. Ты же знаешь, наш врач — лучший в округе.

— О, Карл! — я прижалась к нему, и муж уверенно обнял меня. — Ты всегда говорил, что любишь брата!

— Я люблю его.

— И меня ты любишь! И мне ты сможешь сломать ногу?!

— Нет, ты не поняла, — Карл опустился на ковёр около софы и обнял мои колени. — Как мне объяснить тебе... Ему это нужно было. Ему этого не хватало. Марк слишком красив и совершенен, чтобы играть свою роль в нашем союзе. Он нуждался в каком-нибудь физическом недостатке. Марк будет мне ещё благодарен за сегодняшнее.

Я начинала понимать поступок мужа, и, представив Марка в инвалидной коляске и нас, катящих коляску по улице, испытала острое возбуждение.

— Да, но... — я всё ещё не сдавалась, — ты так многого лишаешь его.

— Марк не нуждается в красивой походке. У него есть любимый мужчина и любимая женщина, которые всегда будут рядом с ним. Теперь мы будем ещё счастливее, — Карл умел убеждать и быть нежно-настойчивым. Я по-прежнему пыталась успокоить себя:

— Но со мной ты так никогда не поступишь, любимый?

— Женщина не должна иметь физических недостатков, даже если у неё двое любимых мужчин. Я не обижу тебя, жизнь моя, не бойся. Хочешь, завтра мы вместе пойдём к Марку?

В клинику я отправилась одна. Клиника Саймона действительно одна из лучших и очень дорогих. Но Карл и Марк могут себе это позволить. Бедный Марк! Он выглядел неважно. Загипсованная нога была зажата в какое-то негуманное устройство, глаза несчастные. Мне он безумно обрадовался, мы нежно поцеловались.

— Я так скучал здесь, Бонни, я ещё никогда не оставался так долго один. Ты ведь побудешь со мной?

— Конечно, солнце моё. Смотри-ка, кто со мной пришёл к тебе, — я поставила на одеяло большую корзину, и толстый рыжий кот Марка вывалился оттуда и сразу стал тереться о больную ногу хозяина.

— Старик Паф! Как я рад тебя видеть! Ты просто чудо, Бонни, — Марк ласково поцеловал мне руку. — Сядь, сядь, пожалуйста.

— Что сказал доктор, Марк? — я пристально взглянула ему в глаза, стараясь уловить выражение.

— Он говорит, что я буду ходить, правда, не сразу. Но, скорее всего, останется сильная

хромота. Карл раздробил мне коленную чашечку. Врачи сделали всё, что могли.

Нет, не было в его голосе и глазах горечи или озлобленности. Карл оказался прав: Марк не страшился стать калекой, он, весьма возможно, уже желал этого.

Карл:

Сегодня опять получил письмо от родителей. Как же они мне надоели!

«Дорогие наши мальчики, мы очень скучаем без вас...».

Как же, скучают они! За всю свою жизнь я видел их не больше трёх лет в совокупности. Им безумно скучно в Париже, Риме или Эмиратах, где бы они ни развлекались в данный момент. Ну и развлекались бы себе и оставили бы нас в покое. Но нет, они считают, что имеют право издали распоряжаться жизнью «своих мальчиков».

Родители... Я носил те вещи, которые они присылали; поступил в тот колледж, на который они указали; я как идиот просиживал вечера у телефона, в надежде, что они вспомнят о «своем мальчике» и хотя бы позвонят.

Но вместо родителей я получал сначала дорогие игрушки, потом дорогие шмотки, спортивную машину, деньги, деньги... Они покупали у меня право не заниматься мной, жить, как им удобно. Ну и чёрт с ними! Больше я не жду их звонка. У меня есть Бонни и Марк.

«Дорогой Карл, будет лучше, если ты перестанешь глупить и разведёшься с этой девицей, которая тебе не ровня». «Дорогой Карл, то, что вы живёте вместе с Марком, конечно, очень трогательно, но мальчику было бы лучше продолжить образование в Европе».

Они хотят у меня отнять последнее, что мне дорого, но это им не удастся. Бонни и Марк мои. Они — моя собственность. Они зависят от меня. Я люблю своих жену и брата, и они всегда будут со мной. Я не допущу, чтобы они оставили меня, или я убью их.

Марк:

Бонни была настолько мила, что притащила мне в больницу Старика Пафа. Здесь скучно. Сколько я помню себя, я всегда находился рядом с братом. Ел с ним, спал, путешествовал. Мы учимся в одном колледже. В клинике я уже неделю, а Карл ещё ни разу ни пришёл.

Нога болит, и если бы не морфий, я бы сошёл с ума. Карл сказал Саймону, что я упал с лестницы, но, по-моему, он не очень-то поверил. Самое неприятное — это неподвижность. Жду, не дождусь того момента, когда я смогу встать. И ещё, когда, наконец, смогу вернуться к своей семье.

Бонни живёт с нами уже полтора года. Когда брат женился на ней, я жутко ревновал. Мне казалось, что я больше не нужен, злился, грубил Карлу, игнорировал Бонни. В общем, это были довольно неприятные дни.

Карл с Бонни каждый вечер закрывались в спальне, а я всю ночь бродил по дому или сидел около двери, откуда доносились вздохи и стоны. После нескольких таких ночей я сломал эту дверь. Карл, конечно же, отлупил меня, но в следующий вечер я был допущен в опочивальню. Сначала мы с Бонни дичились, а потом оказалось, что втроём нам гораздо лучше.

Карл:

Как только Марк вернулся из клиники, мы переехали в Неваду. Я не хочу слышать больше ни о ком из родственников и знакомых. Я буду жить так, как мне хочется. Ни тётя Мэй-Глэдис, ни дядя Джейсон не окатят меня больше ледяным взглядом, не унижат презрительной улыбкой, не намекнут, что порода вырождается.

Если бы можно было, я бы увёз Марка и Бонни на необитаемый остров, где никто не мешал бы нам. Но жена и брат к этому не готовы.

Позавчера Бонни исчезла на целый день. Она же знает, как я не люблю таких отлучек. Потом Бонни ползала передо мной, плакала и клялась, что встретила школьную подругу. Я не позволю ей обманывать меня. Бонни слишком юна, слишком любит светские развлечения, слишком жива и кокетлива. Надеюсь, со временем это пройдёт, и она поймёт, что ей хорошо только со мной.

Марк не доставляет мне таких хлопот. Теперь, когда он ходит, сильно припадая на одну ногу, далеко он не уйдёт. Кроме того, я знаю Марка с рождения: он очень привязан ко мне, я могу быть в нём уверен. По-моему, брат любит Бонни, она умеет удовлетворить и меня и Марка. Теперь я уже не могу представить наш брак без кого-то из нас троих. Мы составляем прекрасный треугольник. А стол на трёх ножках, как известно, более устойчив, чем на двух.

Марк уже месяц учится в новом колледже. Это его личная инициатива. Брат всегда отличался любовью к знаниям. Вероятно, в этом есть и моя заслуга — я всегда заставлял его делать мои домашние задания. В колледже я изучал испанский, а Марк — французский, и бедный брат ночами сидел, обложенный словарями, и переводил тексты с незнакомого языка. За каждую ошибку, которую отмечал мой преподаватель, Марк отжимался от пола пять раз. Начинал он ужасно: три строчки текста в час, бессонные ночи, и сваливался замертво после физических упражнений. Зато, через полгода лучшего спортсмена и знатока испанского, чем Марк, в колледже не было.

Марк:

Ко мне не очень-то хорошо относятся в новом колледже — никогда не умел налаживать отношения со сверстниками. Брат был для меня всем: родителями, друзьями, любовником и даже частью меня, его воля управляет моими поступками. Единственное, где я находил точки соприкосновения с одноклассниками, это спортивные игры. Я обожаю баскетбол и бейсбол. Здесь, в Неваде, довольно сильная баскетбольная команда. Если бы я мог выйти на площадку, то сумел бы завоевать их уважение. Но сейчас я даже бегать не могу.

С девчонками проще. Они всегда сами проявляли инициативу, приглашали на свидание, присылали кассеты с любовными признаниями. А девчонки везде одинаковы. Вообще-то, большого дела мне до них нет, меня сильнее волнует насморк Бонни, чем то, будут со мной сегодня разговаривать в колледже или нет.

Всё-таки не понимаю, зачем мы переехали. Но так захотел Карл, а Бонни, по-моему, всё равно. Вчера Карл в первый раз назвал меня калекой. Я испытал такое сильное возбуждение, что кровь бросилась мне в лицо. Они с Бонни собирались на дискотеку. Карл подозвал меня и проговорил с сожалением:

— Ты не сможешь пойти с нами, Марк, не так ли? Ты ведь калека.

И сильно толкнул меня в грудь. Изуродованное колено не позволило мне устоять, и я свалился к ногам Карла.

— Ну вот, видишь, я был прав, — резюмировал брат, — танцы не для тебя.

И хотя мне вовсе не хотелось ехать на дискотеку, я почему-то стал упрашивать надменно улыбающихся Карла и Бонни взять меня. Наверное, потому, что чувствовал, что они этого ждали. И они, конечно же, согласились, потому что и не думали ехать без меня.

Карл говорит, что мы всегда должны быть вместе, так как мы — единое целое. Ещё он что-то говорил про стильность, про имидж, я уже не помню. Бонни:

Мне кажется, Карл не доволен, что Марк так быстро выздоровел. Муж так увлечённо и заботливо выбирал инвалидную коляску, так любил катать Марка. А этот неблагодарный

встал уже через три дня. Ему, видите ли, нужно разрабатывать ногу. Прямо смешно! Кому нужна его нога? Неужели было трудно сделать брату приятное (да и мне тоже)? Не оценить такую идею! Карл, всё-таки, гений, а Марк — просто дурак. Как бы только муж не вздумал ещё раз сломать ему ногу. Хотя нет, Карл не повторяется в своих придумках — никогда не знаешь, чего от него ещё ожидать.

Интересно, кого я больше люблю, мужа или Марка? Наверное, всё же, первого. Он такой сильный, уверенный в себе. С ним чувствуешь себя защищённой. Не от него самого, так, хотя бы, от других. Зато Марк такой трогательный, сладкий красавчик. Мне его и жалко, и... не знаю, с ним я почему-то становлюсь жестокой.

Вот, придумала! Карла я люблю как отца, а Марка как сына.

Карл:

Сдаётся мне, что придётся всё же увезти моих куда-нибудь в Африку. Нет, шучу, конечно: скорее всего, нужно перебраться в Канберру. Отец всерьёз решил вмешаться в нашу жизнь: он собирается перевести мою юридическую стажировку поближе к себе, в Рим. Представляю, чем это обернётся. Никогда не терпел контроля над собой! Вся проблема, конечно же, в финансировании. Но я предпочту пожертвовать папочкиными дотациями, нежели своим образом жизни.

Позавчера Марка занесло ни много, ни мало как на показ мод. Как это ни странно, увечная нога его прямо-таки окрылила, таскается Бог знает где! На подиуме все женщины — богини, одной такой он и увлёкся. И, похоже, пора положить этому конец. Марк попросил разрешения пригласить эту стерву в дом, и я разрешил. Оба получают удовольствие по максимуму.

Ещё не хватает, чтобы Марк нас чем-нибудь заразил. Эти манекенщицы стелятся подо всех подряд. Может, мне самому её...

Марк:

Я ушёл из дома. Даже не верится, что это в самом деле. Уже два дня я живу у Ясмин. Это очень красивая девушка, манекенщица, мы познакомились недавно. И всё получилось, собственно, из-за неё. То есть... я сам виноват. Не нужно было мне её приводить на ужин. По началу всё шло неплохо: Карл и Бонни играли в респектабельную супружескую пару. Но, когда мы перешли в гостиную, Карл начал оскорблять меня. Он пару раз меня ударил и даже плеснул мне в лицо свою выпивку. Брат никогда не вёл себя так при посторонних. Потом он предложил посмотреть кино и стал показывать Ясмин наши интимные записи. Я видел, что девушка чувствует себя неудобно, и попросил брата прекратить. Хотя мне хорошо известно, что делать этого не стоит никогда.

Он очень спокойно достал кассету и разбил её о мою голову. Бедная Ясмин бросилась к двери, но Бонни с неожиданной яростью вцепилась ей в волосы. Карл срывал с рыдающей Ясмин одежду и шептал ей на ухо:

— Захотела переспать с уродом, стерва? На оригинальное потянуло? Я тебе это устрою. Хочешь, я и тебе что-нибудь сломаю? Любишь боль? Любишь?

Он бросил визжащую Ясмин на пол и начал растёгивать брюки. Я вырвал у Бонни трость, которой она била меня, стараясь попасть по больной ноге, и врезал Карлу изо всей силы. Пока они приходили в себя, я увёз Ясмин.

Не знаю, как долго я пробуду здесь. Ясмин чудесная девушка, но я с ужасом думаю о своей семье и своём поступке. Мне нужно что-то делать, а что, я не знаю. Не знаю!

Бонни:

И почему всё должно было получиться так ужасно? Не понимаю, мы не заслужили этого. Никого я так не ненавидела в жизни как эту тощую дрянь, которая влезла в нашу семью. Марка надо было срочно спасти от неё, и Карл придумал просто замечательный выход. Он заявил в полицию, что Марк украл из его сейфа большую сумму денег и сбежал с этой проституткой. Я естественно всё подтвердила. Сейчас Марк в тюрьме, в ожидании суда. Я плохо в этом разбираюсь, но по законам Невады заявления Карла и моего свидетельства достаточно для его обвинения. Каким-то образом на двери сейфа даже оказались отпечатки пальцев Марка. Если Карл не заберёт заявление и не внесёт залог, его брату грозит, по-моему, года три.

Мне так не хватает моего любимого мальчика. Только сейчас, когда его нет с нами, я понимаю, как он мне дорог и как я его люблю. А эта гадина! Жаль, что нельзя засадить и её тоже!

Завтра истекает срок, когда ещё можно забрать заявление. Муж привезёт брата, и мы снова будем вместе. Подумать только, Марк посмел поднять на него руку! А Карл столько делает для него и всё готов ему простить. Как я хочу, чтобы всё плохое поскорее закончилось, и мы стали жить как прежде. Скорее бы! Надеюсь, так оно и будет.

Карл:

Как же жалко выглядел мой дорогой младший братик после недельной отсидки! Таких смазливых и чистеньких не любят ни в одном притоне. Уверен, Марк заречётся на будущее «преступить закон». Неделя в душной переполненной камере, без кондиционера с весёлыми ребятами — это не шутка, особенно для нашего малыша.

Тем не менее, думаю, Марк был не в восторге видеть меня. Он достаточно хорошо меня знает, чтобы предпочесть тюрьму. Но это всего лишь предварительное заключение. Если бы я не оказал ему услугу, забрав заявление, это было бы равнозначно смертному приговору для Марка.

И он, весь грязный, с разбитой рожей, ещё волнуется, что пропустил занятия в колледже. Но я его успокоил, за колледж ему теперь переживать нечего: я сообщил совету учредителей о криминальных наклонностях Тейлора-младшего, и они его немедленно исключили. Брат, по-моему, и так слишком долго тратил своё время и мои деньги на совершенно бесполезную для него деятельность.

Боюсь, я был слишком терпелив и снисходителен. Марк слаб, ему нужно было больше дисциплины и строгости, а я дарил ему только свою любовь. Но на этот раз он перешёл все границы, пора браться за его воспитание всерьёз. Я ещё не решил, какое наказание он получит на этот раз, но намётки у меня есть.

Кстати, нужно позаботиться и о Бонни тоже. Не стал бы дурной пример Марка заразителен для неё. Я делаю для своей семьи всё, что только может сделать любящий муж и брат, но кто это ценит?

Марк:

Я был счастлив снова увидеть брата и Бонни. У бедной Бонни огромный шрам на руке: Карлу нужно было на ком-то отыграться после моего побега. Карл обвинил меня в краже денег, и, наверное, я заслужил это. Я был почти уверен, что меня посадят, но Карл меня спас. Мне жаль Ясмин, я втянул её в свои проблемы. Нам было хорошо вместе, но ей трудно понять меня.

Брат, конечно же, злится на меня; он глубоко оскорблён, и это понятно. Сначала он заставлял меня целовать ему ноги, потом две ночи подряд стоять на коленях перед его кроватью. Это всё, разумеется, ерунда и не искупает моей вины. Потом он повёл меня в подвал, и я увидел большую клетку. Карл посадил меня в неё и прикрепил мои руки наручниками к прутьям. Я оказался сидящим спиной к одной из стенок клетки с поднятыми вверх руками. Карл не разрешил мне снимать одежду, в которой я был в тюрьме, и я оставался в грязных изодранных джинсах и рубашке.

Затем Карл запер клетку и взял в руки какую-то длинную штуку похожую на трезубец. Он сказал:

— Ты сделал то, чему нет прощения, — и всадил этот трезубец мне в спину.

Боль была страшная. Карл повторял эти удары ещё много раз, каждый раз проворачивая рукоятку, когда острия оказывались у меня в пояснице. Я пытался не кричать, зная, что это заводит брата всегда ещё больше, но это было выше моих сил. Мне казалось, что он сейчас вырвет мой позвоночник из спины или что проткнёт тело насквозь. От боли я, казалось, перестал слышать.

Прошло пять минут или целый час до того, как Карл отбросил своё орудие. Он отстегнул наручники, и я сполз на пол клетки, скользя по собственной крови. Я постарался перевернуться на живот, потому что лежать на спине было невыносимо. Прежде чем закрыть за собой дверь подвала и уйти, Карл сказал очень холодно и без тени злобы:

— Будь я более справедлив к тебе, дрянь, я бы вонзил это тебе в горло.

Бонни:

Я познакомилась с ними на дискотеке. Вообще, я не люблю дискотеки, а тогда подруга затащила. Они сидели за одним из столиков вдвоём, что-то выпивали. Сначала я не могла понять, что в них такого особенного. Ну, красивые, неплохо одеты. Даже очень красивые, очень похожи — несомненно, братья. Но у того, что постарше, черты более определённые, резкие, более мужественные. Он выглядел так уверенно и спокойно, как хозяин этого заведения. У младшего более девичья красота, черты мягче, взгляд живее. У обоих тёмные волосы и синие глаза, а у младшего ещё и длиннющие пушистые ресницы.

Они не танцевали, почти не говорили друг с другом. Я попыталась привлечь их внимание выделяясь на площадке — ноль реакции. Потом до меня дошло, чем они не походили на всех: ребята были здесь и как бы не здесь, их не интересовало, что происходит вокруг. Если они и скользили взглядом по танцующим, то, по-моему, не видели их. Младший покачивал головой в такт музыке и улыбался. Оказалось, подруга их знает.

— Плюнь, — сказала она, — это Тейлоры, они голубые.

Мне стало так обидно, даже слёзы выступили. Так редко бывает, чтобы мне кто-то понравился, и такой облом. Подруга посмотрела на меня и говорит:

— Ну, хочешь, подсядем к ним, только я тебя предупредила. Вообще-то с другими парнями их никто не видел, но и с девчонками тоже. Странные какие-то.

У меня появилась надежда. Мы подсели, подруга начала с ними о чём-то болтать, а я не могла оторвать от обоих взгляд. От братьев исходила какая-то невероятная притягательная энергия. Оба были очень вежливы, сразу заказали нам коктейли. И речь у них была очень грамотная, без пошлостей и сленга. Но мы были им не нужны и не интересны, как и все окружающие. Отвечая нам, они смотрели на нас своими невероятными синими глазами как смотрели бы на обои в собственной комнате. Но именно эта их отстраненность и

завораживала меня всё сильнее.

Я просто не поверила своим ушам, когда вскоре Карл позвонил мне и предложил встретиться. Дальше всё происходило как во сне, я как будто растворилась в нём, в его силе, в его нестигаемой воле. Так приятно, когда, все проблемы решают за тебя, за тебя принимают решения и несут ответственность. Мне просто безумно повезло: таких, как мой муж, больше нет.

На этот раз Карл слишком сурово наказал Марка. Я всё время боюсь, что Карл когда-нибудь убьёт его, и наш мир разрушится. Муж не выпускает его из клетки уже несколько дней. Я видела Марка сегодня утром — у него абсолютно больной вид, он весь в каких-то отвратительных синяках, точнее, вся его кожа — сплошной синяк. Карл держит его в темноте и на ночь приковывает наручниками. А ещё Карл сделал нечто действительно жестокое: он долго не кормил Марка, и потом поставил перед ним в кастрюле сваренного Старика Пафа. Марк обожал этого кота. Я была там и видела, как его отбросило от этой кастрюли. Он так рыдал! По-моему, до этого я не видела слёз Марка. В этом доме совсем не принято плакать. Карл:

Этот мир становится всё менее и менее выносимым. Почему бы ему не сделать одну простую вещь: оставить нас, наконец, в покое? Неужели это так трудно? Всего лишь уважение моих гражданских прав — вот чего я хочу!

Произошло непредвиденное: родители посетили нас в самый неподходящий момент. Если бы я в это время был дома, то просто не открыл бы дверь, но жена их, разумеется, впустила. Последовавшая нежная встреча детей и родителей не поддаётся описанию.

Если бы в это время не нагрянула полиция, всё ещё можно было бы уладить. Оказывается эта стерва-манекенщица всё никак не может успокоиться. Она там наплела что-то о моём, якобы, бесчеловечном обращении с братом, что у нас тут чуть ли не гнездо разврата. Я как-то не подумал о такой возможности. Никогда не следует приводить чужих в дом — я всегда это говорил.

Несколько дней мы с Бонни находились в подвешенном состоянии, а выручил нас, как ни странно, отец, вернее, его деньги и его адвокаты. Потом произошёл знаменательный разговор, которым отец стремился продемонстрировать свою родительскую власть:

— Мы слишком долго баловали тебя, и ты превратился в какое-то животное. Мы увозим Марка, и, думаю, ты его больше не увидишь. Следующее, ты избавляешься от этой своей «жены», и я нахожу для тебя подходящую работу где-нибудь в Европе, где никто не знает нашу фамилию. Только при этих условиях ты не будешь иметь проблем с законом. В противном случае — ты не член нашей семьи. Ты сейчас не в зале суда только потому, что ты Тейлор.

Я ответил:

— Семья может забыть о моём существовании. Моя жена бремена, от меня или от Марка — неважно, и я не оставлю её. Вы — чужие нам люди, и я не советую вмешиваться в нашу жизнь. После этих слов мать разревелась и выбежала из комнаты.

Нам пришлось уехать. Ничто на свете не заставило бы меня выполнить требования отца. Не знаю, будут ли они нас искать. Наверное, им проще будет обо всём забыть. Уже из аэропорта Бонни позвонила Марку, родители держали его в каком-то санатории. Она рассказала ему о своей беременности и о нашем отъезде.

Я не сомневался, что Марк приедет, и он приехал. То, что связывает нас намного глубже

родственных или любовных отношений это наша карма. Только по этому пути мы можем идти в жизни.

Когда Марк заплакал из-за своего кота, я вспомнил, как мы были детьми. Марк подрался со сверстниками, и ему здорово досталось. Тогда он точно так же плакал у меня на коленях. И я сделал всё, чтобы никто больше не смел обижать моего брата. До сих пор я не могу спокойно видеть его слёзы. И в этот раз я почувствовал необыкновенную жалость и нежность к Марку. Когда он проговорил:

— Карл, почему ты это делаешь со мной? — я прижал его к себе и целовал, целовал его мокрое от слёз лицо, его руки, всё его тело. Я так его люблю и никому не позволю отнять его у меня.

Марк:

С тех пор, как мы уехали из Невады, наш образ жизни стал ещё более уединённым. Выходим мы поздно ночью, отправляемся на море, катаемся по городу или просто гуляем. Днём Карл уходит и запирает дверь на ключ. Он стал нервным, часто срывается, кричит. Мне бы хотелось как-то помочь ему, последнее время на брата свалилось столько не приятностей. Но Карл сильный и всё выдерживает, у него ещё хватает сил заботиться о нас. Тем более теперь, когда Бонни ждёт ребёнка.

Я как-то никогда не задумывался, на что мы живём, так просто не думать об этом. А Карлу приходится, каждый день. И, в конце концов, это я стал причиной всех наших проблем: если бы не моё увлечение Ясмин! Из-за меня были ужасно расстроены и родители. Я никогда не видел маму в таком состоянии. Несколько дней, что мы были вместе, она очень беспокоилась обо мне, мечтала, что я уеду с ними. Вчера я не выдержал и позвонил родителям. Трубку взял отец и потребовал, чтобы я немедленно сказал, где мы сейчас находимся. Я не услышал, как вошёл Карл. Он вырвал телефон вместе со шнуром и запустил им в стену.

Брат был в страшном гневе. Он потащил меня на кухню, схватил топорик для разделки мяса и в два удара отрубил мне руку до локтя.

Мы довольно быстро остановили кровь, и Карл напичкал меня каким-то алкоголем. Сквозь боль и пьяный туман мне казалось, что вроде бы мы с Карлом занимаемся любовью. Руку мы зарыли ночью в парке.

Бонни:

Мне так тяжело говорить об этом. Невозможно прийти в себя оттого, что произошло. Наша жизнь разрушена. Я абсолютно потеряна и не представляю, как жить дальше.

Когда Карл вернулся вечером как обычно, я сразу почувствовала недоброе. Таким я его никогда не видела. Я прижалась к Марку, и мы молча следили за Карлом. Очень долгое время ни одного слова не было сказано. Где-то в первом часу ночи мы все поднялись на крышу, где муж начал говорить, что мы не можем больше здесь оставаться, что все его усилия напрасны, и нас никогда не оставят в покое. Не знаю, что так страшно повлияло на Карла, но вдруг я поняла, что он имеет в виду вовсе не очередной переезд, он задумал убить нас всех. Я с ужасом взглянула на Марка, он был очень бледный и неподвижный. По-моему, он тоже всё понял.

Карл подвёл нас к краю крыши. Он крепко взял нас за руки, закрыл глаза и поднял лицо к небу.

— Не бойтесь, — произнёс он, — я не позволю им это сделать. Я спасу нашу семью — мы будем вместе!

Я закричала и начала вырываться. Карл сделал шаг вперёд и, падая, повлёк меня за собой. Совершенно не понимаю как, но я сумела ухватиться одной рукой за карнизную трубу и намертво вцепиться в неё. Другая моя рука выскользнула из руки Карла. И тут я почувствовала, что кто-то пытается втянуть меня обратно на крышу. Это был Марк; если бы не он, я всё равно, наверное, упала бы.

Марк сумел освободиться от Карла ещё до падения и устоять на крыше, а ведь у него теперь только одна рука. Мы крепко сжали друг друга в объятиях и не двигались, пока не услышали полицейские сирены: соседи обратили внимание на крики и шум.

Теперь мы с Марком остались вдвоём. То есть, почти втроём — мне скоро рожать. О Карле мы не говорим, но не проходит дня, чтобы мы не думали о нём.

Прости нас, Карл, любимый. Прости за то, что в тот момент мы просто были не готовы пойти с тобой. Но я знаю, когда-нибудь, рано или поздно, мы будем вместе!